

Т. В. Беспалова

**Мировоззренческие основания
цивилизационного подхода:
к постановке проблемы**

Tatiana V. Bespalova

**The worldview grounds
of the civilizational approach:
to the setting of the problem**

В статье обозначаются основные проблемные вопросы цивилизационного развития с точки зрения мировоззренческой мотивации ученых. Отказ от религиозного мировоззрения во многом способствовал созданию агрессивных политических идеологий. Исследование мировоззренческих оснований цивилизационного подхода, не совместимого с идеологизацией гуманитарного знания, позволит сформулировать аргументированный ответ на возникшие в XXI веке в отношении человечества угрозы, а также избежать риска использования цивилизационных теорий в политических целях.

Ключевые слова: мировоззрение; цивилизационный подход; цивилизационная идентичность; культура; религия; угрозы.

The article identifies the main problematic issues of civilization development in terms of worldview motivation of scientists. The rejection of religious worldview has led humanity to the total falsification of history and the creation of aggressive political ideologies. The study of the worldview bases of a civilizational approach incompatible with the ideologization of humanitarian knowledge will make it possible to formulate a reasoned response to the threats faced by mankind in the 21st century, as well as to avoid the risk of using civilizational theories for political purposes.

Keywords: worldview; civilizational approach; civilizational identity; culture; religion; threats.

Экологические угрозы человечеству, новые типы войн, расширение масштабов «потребительского общества», расширение неравенства и несправедливости в обществе, онтологическое противоречие между человеком и искусственным интеллектом содержательно составляют новый экзистенциальный вызов человечеству. Научное сообщество должно в очередной раз подтвердить правоту тезиса А. Дж. Тойнби «...чем сильнее вызов, тем оригинальней и созидательней ответ» [7, с. 140]. Требуется совершенно новый уровень философского и аксиологического осмысления проблем цивилизационного развития, который позволит преодолеть мегариски современной индустриальной цивилизации.

Сможет ли человечество обеспечить себе безопасное будущее, изменив вектор цивилизационного развития? Как изменятся ценностные основания цивилизации в условиях смены мировых цивилизаций? Какой будет новая ценностная парадигма цивилизационного развития России в информационную эру? Каковы политические риски в процессах актуализации цивилизационной проблематики современной философией? Почему мировоззренческие основания цивилизационного подхода требуют пристального научного внимания?

Постепенное вытеснение из научного пространства формационного подхода цивилизационным подходом требует от ученых, работающих в цивилизационной парадигме, выстраивания более четкой аргументации по вопросу духовного измерения цивилизаций в их взаимосвязи и единстве с природой. Критика цивилизационного подхода в русле формационного и иных подходов во многом сводится к его методологической непригодности в выстраивании истории человечества как единого процесса¹, к обозначению определенных рисков в процессах осмысления самобытности народов и культур вплоть до самоизоляции, ведущей к исключительности и другим деструкциям. Тогда как, на наш взгляд, только применение цивилизационного подхода к происходящим в мире изменениям может сформулировать новую философию, объясняющую творческую созидательную роль человека в мире, и выстроить более сложную картину исторического развития народов, религий и культур.

Раскрытие заявленной научной проблематики требует обращения к мифологии, религии, философии и науке как основным мировоззренческим системам, в рамках которых мыслится самобытность цивилизаций. Такого рода исследование сложно провести в пределах отдельно взятой статьи, поэтому наметим лишь некоторые вопросы и сделаем выводы относительно перспектив обозначенного научного направления.

¹ Суть цивилизационного подхода как раз в аргументации культурного и исторического многообразия народов, поэтому критика не обоснована.

Изначально понятие «цивилизация» было тесно связано с религиозным мировоззрением, что зафиксировано в работе графа де Мирабо «Друг людей, или трактат о народонаселении» в 1757 году, в которой религия представлена как «...главная пружина цивилизации, она наставляет нас и беспрестанно напоминает нам о братстве, смягчает наше сердце» [1, с. 387]. Позже появляются представления об общечеловеческой цивилизации как о результате достижений человеческого разума, одинаковом понимании прогресса и универсальном развитии всех народов. Страны, признавшие универсальный путь развития всех народов, объявляют себя «развитыми» и «цивилизованными» в отношении остальных и начинают свое политическое утверждение в мире вне религиозной парадигмы или в русле ее декларации.

В теории локальных цивилизаций (например, культурно-исторические типы Н. Я. Данилевского) было создано совершенно иное понимание прогресса, связанное с важнейшей мировоззренческой установкой – *сохранением многообразия цивилизаций*. Н. Я. Данилевский определяет суть прогресса как возможность «..*все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях*» [1, с. 87]. Истоки и основы зарождения цивилизации, история ее формирования имеют непреходящую ценность для ее будущего развития, так как в них заложена суть национального бытия. Н. Я. Данилевский не случайно обозначил четыре разряда культурной деятельности, под которые можно подвести все разнообразие исторической жизни: *религиозная, культурная, политическая и общественно-экономическая*. Например, русская цивилизация как культурно-исторический тип обнаруживает свою самобытность по всем четырём основаниям.

Таким образом, мировоззренческое противостояние теории локальных цивилизаций и теории универсальной человеческой цивилизации не может быть снято простым рассуждением о диалоге цивилизаций и выработкой общечеловеческих ценностей. Это кардинально различные мировоззренческие системы.

Необходимо заметить, что мировоззренческие основания цивилизационного подхода чаще всего оставались за пределами научного внимания, тогда как именно они стали точкой отсчета в подборе необходимой научной аргументации и открыли возможность для использования цивилизационной теории как одной из стратегических основ государственного и политического управления в России. Довольно быстро выяснилось, что цивилизационный подход может быть использован как для обоснования самобытности русской (российской) цивилизации, так и для ее *частичного и даже полного отрицания*. Данный тезис изначально кажется слишком очевидным, чтобы выступить в качестве одного из смысловых сюжетов обозначенной проблематики, тем не менее попробуем обосновать его мировоззренческую и политическую значимость и для наших дней.

Своеобразие русской цивилизации, ее коренное отличие от западноевропейской цивилизации *в традициях западничества* всегда трактовалось через категории «отсталости» и «неполноценности», в связи с чем формулировались соответствующие политические задачи – перенять ценности западноевропейской цивилизации и подстроиться под общемировые представления о развитии и прогрессе.

Исходя из тезиса о доминировании рационального над иррациональным в западной цивилизации, возникают различные трактовки значимых для сохранения цивилизации ценностей – любовь к родине, справедливость, свобода и другие. В работах П. Я. Чаадаева, например, можно найти тезис об отсутствии у русского народа цивилизованной любви к родине и его неспособности к проявлению «сознательного патриотизма», то есть возможности любить Россию по-петровски, мыслью и волей. Патриотическое мировоззрение, любовь к родине, а точнее – форма ее проявления, становится еще одним критерием, определяющим содержание цивилизационных теорий.

Признание цивилизационной самобытности России (а именно к доказательству этого вывода и сводится применение цивилизационного подхода) еще не означает мировоззренческого единодушия по поводу ее основных сущностных характеристик. Можно сказать, Чаадаев был одним из первых мыслителей, применивших цивилизационный подход для обоснования *иной* самобытности России, апеллируя к чужой религиозно-культурной традиции – католической. Таким образом, патриотическое мировоззрение во многом определяет аксиологический выбор ученого в пользу подтверждения отечественной традиции или ее отрицания. В основе отрицания не всегда лежит ненависть к России, вполне достаточно презрения к состоянию ее культуры.

Западноевропейская цивилизация всегда ориентировалась на рациональное начало, в отличие от России и Востока. Еще один мировоззренческий нюанс, который до сих пор разделяет ученых, работающих в цивилизационной парадигме, можно обнаружить в работах митрополита Илариона – *идея преимущества Благодати над Законом*, причем Благодать представляет собой не христианский догмат и веру в узком понимании, а *определенный миропорядок* [3, с. 60].

По сути, мировоззренческая дискуссия о самобытности России началась с философских, религиозных и исторических построений о происхождении земли Русской в трактовке митрополита Илариона и русских летописцев. Тогда самостоятельность и независимость русской цивилизации во многом связывалась с признанием или отрицанием факта призвания варягов как основы для утверждения неполноценности или самобытности российского исторического пути. Казалось бы, как может признание роли варягов в создании российской государственности повлиять на цивилизационное

развитие не только России, но и западной цивилизации? Тем не менее легенда о варягах стала содержанием норманнской теории и получила свое кульминационное завершение в идеологии германского национал-социализма, в русле которого тотальная фальсификация истории и русофобия превратились в одно из обоснований расовой теории: «В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра... у славянства вообще чувствуется недостаток сил, необходимых для формирования государства... Россия обязана тевтонскому слою не только в области политики, но и за то немногое, чем она может гордиться в культурном плане. Великая Россия не могла бы существовать без германского влияния» [8, с. 26].

Советский период развития российской цивилизации, победа советского народа в Великой Отечественной войне, освобождение Европы от фашизма опровергли эти и любые другие сомнения по поводу независимости и силы российской государственности. Любые попытки усомниться в Победе Советского Союза в Великой Отечественной войне или трансформировать память о советском прошлом будут приводить к отрицанию великой миссии народа-победителя и размыванию цивилизационной идентичности России.

В рамках цивилизационного подхода в отечественной гуманитарной науке было создано огромное количество научных концепций, которые можно условно разделить на следующие направления: славянофильское, западническое и евразийское. Славянофильское направление акцентирует внимание на самобытности российского цивилизационного пути, западническое – убеждает в заимствовании из Европы основных сущностных характеристик русской культуры, не отрицая ее национального своеобразия, евразийское – ведет речь о синтезе самобытного и заимствованного не только из Европы, но и с Востока. В зависимости от выбора мировоззренческого основания разнится восприятие прошлого, настоящего и будущего российской цивилизации.

Изменение цивилизационного образа России ранее связывали с осмыслением трех исторических сюжетов – происхождение Российского государства, реформа Петра I и революция 1917 года. Сейчас добавляют еще два исторических события цивилизационного масштаба: распад Советского Союза и события русской весны 2014 года, вернувших не только цивилизационную миссию России, но изменивших политическую ситуацию в современном мире. В целом, несмотря на многократное изменение цивилизационных ориентиров России – Киевская Русь – татаро-монгольское нашествие – Московское царство – императорская Россия – Советский Союз – Российская Федерация и противоречивую историческую событийность, Россия устойчиво подтверждала свой цивилизационный выбор, связанный с защитой православной веры, державности и народности.

Мировоззренческое обоснование места и роли России как цивилизации представляется в следующих вариантах:

1. Идея исключительности России в мировой истории и культуре.
2. Идея России как Востока.
3. Идея России как Запада.
4. Идея России как особой славянской цивилизации.
5. Идея России как Евразии, отличной и от Востока, и от Запада.
6. Идея российской специфики, выражающейся в сочетании восточных и западных черт или в колебании между Востоком и Западом.
7. Идея российской самобытности в рамках христианского мира.
8. Идея византизма России.
9. Идея универсализма русского духа.
10. Идея России как синтеза Востока и Запада.
11. Идея России как необходимого элемента мирового синтеза [4].

Решение вопроса о цивилизационной идентичности России, ее специфике, исторической, политической и духовной ценности зависимы от мировоззренческих пристрастий автора, исторических условий и политического режима.

Цивилизационную идентичность можно считать, в большей мере, *качеством социума*, проявляющим себя в самоидентификации как процессе наследования цивилизационной миссии, суть которой в сохранении культурного и природного наследия. Например, цивилизационная идентичность России в иерархии социальных отношений должна доминировать над гражданской и этнокультурной, что означает *коллективное признание большой родины – России, знание русского языка и отечественной истории, уважение русской культуры, православной веры, сохранение культурного наследия народов, проживающих в России, и общих для всех традиционных нравственных ценностей*. Носителями русской (российской) цивилизационной идентичности являются люди различных этнических и религиозных групп, их объединяет общая система ценностей, коллективная память и единый исторический путь.

С конца XX века можно констатировать переход к постиндустриальной цивилизации, которую называют гуманистически-ноосферной [10]. Глобализации подвергаются все уровни цивилизации – демографический, технологический-экологический, экономический, государственно-политический, социокультурный [10]. Целью глобализации становится поглощение локальных цивилизаций, максимальное размывание цивилизационных ценностей традиционных обществ и их унификация. Способность цивилизации сохранить свою идентичность во многом обусловлена силой социокультурного ядра,

определяющего ее тип, сущностные черты и особенности. Усиление цивилизационного разнообразия отчасти становится ответом на угрозу унификации западной цивилизацией, а его сохранение – условием, оберегающим мировую цивилизацию от разного рода политических утопий.

Сейчас происходит становление очередного масштабного цивилизационного цикла, зарождается совершенно новая социокультурная общность, для обозначения специфики которой используют разные понятия – «ноосферная цивилизация» (А. Д. Урсул), «гуманистическая цивилизация» (Ю.В. Яковец), «экологическая цивилизация» (И. К. Лисеев), «постэкономическая цивилизация» (В. Л. Иноземцев) и другие. Спецификой новой цивилизации должна стать выработка новой ценностной парадигмы, в русле которой человек, преодолев материальную зависимость и собственный эгоизм, сможет выстроить новые отношения прежде всего с природой. Наиболее распространенной причиной экологического кризиса цивилизации обычно считают экономический рост, хотя его более серьезной причиной выступает кризис культуры (А. Швейцер), в результате которого человек обнаруживает в себе новые качества (А. Печчеи), уходит от конкурентной модели взаимоотношений с природой и окружающей средой, пытается адаптироваться к новым экологическим рискам. Смыслообразующие функции экологического мировоззрения связаны с проблемой выживания человечества, продолжением рода, сохранением основных признаков биологического вида человека, сопротивлением искусственной среде (существуют прогнозы о возможной быстрой искусственной эволюции человека, жизнь которого подчинена процессам электронизации) [11, р. 15–20]. Преодоление человеком «постчеловеческого» в самом себе является первостепенной задачей не только экологического, но и политического мировоззрения. Религиозные обоснования экологической этики актуализируют ценность божественного создания в условиях «смерти бога» и «смерти самого человека без бога». Человек должен нести моральную ответственность за экологический кризис, так как его обязанностью является забота обо всем творении бога [12, р. 2].

В рамках атеистического мировоззрения интересным сюжетом может быть ответ природы на проявление абсолютной свободы человека и его участие в процессах активного деструктивного воздействия на нее. Для природы человек слишком ничтожная сила и является всего лишь биологическим видом, силы природы мощнее и могут уничтожить человека не только посредством природной стихий, но скорее через самоуничтожение, если человек не сможет выстроить новые гармоничные отношения с природой. Поиск человечеством разнообразных способов выхода из экологического кризиса, столкновение противоречивых интересов, в конце концов, может стать причиной возникновения новых войн.

Активизация научного интереса к мировоззренческим основаниям цивилизационного подхода объяснима также возникновением в исторической реальности «избранных» «цивилизованных» народов, навязывающих ценности своей цивилизации «варварским» народам, в том числе и военно-политическими способами (Ирак, Югославия и др.). Политические доктрины, актуализирующие шмиттовское противостояние «друг–враг», в целом «идею врага» К. Поппера, навязывают народам и культурам ценности демократии и открытого общества, размывая содержание традиционных ценностей и сущностные признаки иной цивилизационной идентичности. В отличие от идеологической идентификации в основе цивилизационной идентичности лежит «глубинная потребность человека в духовной солидарности с ушедшими и будущими поколениями, чувство личной причастности к судьбе отчей земли и собственного народа» [6, с. 25]. Патриотическое мировоззрение становится одним из определяющих факторов в наполнении учеными аксиологическим содержанием цивилизационных теорий. Сейчас сама политическая реальность подталкивает научное сообщество к обоснованию цивилизационной теории не столько в привычном мировоззренческом срезе – *противостояния и межцивилизационных войн* (С. Хантингтон), сколько в русле более сложного взаимодействия – *межцивилизационного диалога* (А. С. Панарин). В настоящее время подтверждаются слова, высказанные два десятилетия назад выдающимся российским ученым А. С. Панариным, о том, что в постсоветский период довольно остро «стала обнажаться другая – не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного» [5, с. 9]. Распад Советского Союза и выстраивание собственных версий культурно-исторической памяти народами постсоветского пространства вне учета общей истории, культуры, памяти и веры привели к распаду российского (советского) культурно-политического пространства. История человечества знает огромное количество примеров утраты цивилизационной идентичности в условиях цивилизационных аннексий, экспансий и заимствований². Все три вышеуказанных способа применяются сейчас в отношении России, Украины и Белоруссии, в отношении наших соотечественников, проживающих на территории других постсоветских государств

² В. Н. Лексин различает «**цивилизационные аннексии**», которые происходят в виде силового захвата и фактически полного переформатирования или маргинализации прежних цивилизационных оснований «оккупированной» территории; «**цивилизационные экспансии**» как целенаправленную (организованную) имплантацию ценностей и связанных с ними культуры, образа жизни, семейных предпочтений и т. д. одной цивилизации в пространство другой и свободный выбор в принятии этих ценностей и всего с ним связанного и «**цивилизационные заимствования**» – наиболее распространенный тип цивилизационных столкновений, который следует считать самым плодотворным и бесконфликтным из всех цивилизационных взаимодействий.

(в Казахстане, в Молдаве и др.) [2, с. 27–37], довольно длительное время. В Белоруссии уже появились три понятия, которые характеризуют различные этнополитические общности «белорусы», «белоруссы», «беларусы»; участились случаи судебных исков при обслуживании в ресторанах и кафе, если заказ сделан на русском языке, и т. д. Создание единого союзного учебника в рамках российско-белорусских отношений пока не представляется возможным по причине официального одобрения в 2018 году Белорусской академией наук учебника по истории, в котором признается создание белорусской государственности неандертальцами, отрицается признание Полоцка частью Древней Руси и утверждается тезис об отсутствии в истории древнерусского народа. Современная политическая реальность привела к политизации цивилизационных теорий, созданию псевдонаучных исторических концепций в угоду политической конъюнктуры. Разрыв культурно-цивилизационного пространства России по политическим причинам (подписание Беловежских соглашений) проявляется во всех сферах публичной политики – образовательной, культурной и т. д. и в повседневной жизни русских людей. По этой причине проблема защиты российской цивилизационной идентичности связана не только с необходимостью определения базовых цивилизационных ценностей, но и с поиском *интегративных (объединяющих) мировоззренческих оснований* для сближения народов, оказавшихся по разные стороны государственных границ, но связанных великим общим историческим прошлым.

Цивилизационный подход возвращает человеку роль творца, созидателя без отрицания религиозных основ культуры, а смысл человеческой деятельности измеряется особой степенью ответственности перед самим собой, будущими поколениями и перед вечностью. Возвращаемся к экологическому мировоззрению, которое довольно жестко определяет меру ответственности человека перед будущими поколениями. Проблемы будущих поколений определяются по-разному, но обычно сводятся к необходимости признания прав ныне живущих поколений и будущих, еще не рожденных [13, р. 135]. Иногда разграничивают права будущего первого поколения и права дальних поколений, так как юридически сложно обосновать действия тех, кто действительно сможет представлять в суде конкретные интересы будущих поколений. В целом, можно обозначить четыре обязательства перед будущими поколениями:

- сохранение разнообразия природной и ресурсной базы,
- сохранение качества окружающей среды, ее жизнеспособности,
- обеспечение равноправного доступа всем членам общества к ресурсной базе,
- сохранение этого справедливого доступа для будущих поколений [13, р. 136].

Третье и четвертое обязательства реализовать не представляется возможным, так как очевидно неравенство государств, ограниченных конкретной территорией и определенным запасом природных ресурсов.

Выполнение этих обязательств зависит от актуальности распространения экологических ценностей, их политической и культурной легитимации. Для этого необходимо учитывать, что экологическое мировоззрение активно выражают именно образованные люди, имеющие стабильный доход и доступ к основным благам, поэтому максимальное решение проблем голода и бедности позволит актуализировать экологические ценности для большего количества людей. Принцип справедливого использования ресурсов должен основываться не просто на моральных обязательствах, а требует законодательного оформления экологической ответственности человека [13, р. 138].

Сущность человеческого бытия предстает в ином свете – она связана с миссией народа, которая определяется принадлежностью к конкретной цивилизации и необходимостью ее сохранения в условиях новых вызовов.

Выводы. Очевидно, что преодоление очередной кризисной ситуации в мире и в России требует эпистемологического поворота на теоретическом уровне с целью дальнейших изменений в сфере политики, идеологии и управления. Выбор мировоззренческих оснований цивилизационного подхода определит будущее, но какое из мировоззрений станет доминирующим в качестве обоснования цивилизационного подхода, сегодня сказать практически невозможно по причине равноценности мифа и науки (Ф. Шеллинг), в целом по причине сложности диалектических взаимоотношений основных мировоззренческих систем.

Мифологическое мировоззрение создает определенный миропорядок, конструирует по определенным законам бытие человека. Сам человек находится внутри мифологической картины мира, участвует в создании символической реальности, создавая и интерпретируя ее. Игровая природа мифа о возникновении цивилизации, ее взлетах и падениях, самобытности, проявляющейся в ритуалах, дает возможность человеку, социуму не только владеть знанием и чувствованием этого богатейшего мира, но и способствовать его созданию или разрушению. Во времена кризиса цивилизаций миф, обладая мощным символическим ресурсом и потаенным смыслом, доступным только его творцам и наследникам, может создавать условия для возрождения народа и культуры, становиться основой для нового цивилизационного цикла.

Религиозное мировоззрение обосновывает веру в особую миссию, предназначение цивилизации, позволяет выявить диалектику культурно-исторического развития и религиозного бытия. Особое значение религиозное мировоззрение приобретает в условиях утверждения постиндустриальной цивилизации. Народы, создавшие цивилизации, всегда опирались на рели-

гиозно-нравственные традиции, которые являются объединяющими для всего общества через создание религиозного идеала и основанных на нем практик. Идея цивилизации напрямую связана с идеей духовного совершенства человека. Религиозное мировоззрение (христианство, ислам, буддизм) создает религиозно-мистический архетип национальной жизни и культуры. Вне религиозной идентификации возникновение и развитие цивилизации не представляется возможным, даже если речь идет о техногенной цивилизации. Религия становится одной из этических границ в процессах развития человечества, его естественного стремления к бесконечному прогрессу.

Философское мировоззрение дает представление о смысле бытия цивилизации, позволяет обозначить ценностную обусловленность цивилизационного развития, выявить иерархию ценностей и их самобытное проявление в различных культурных и религиозных традициях. Например, европейская философия создает принцип «я мыслю, следовательно, существую». Если применить этот принцип к иным культурам, то выяснится, что в каком-нибудь из африканских традиционных обществ он будет звучать иначе – «я танцую, следовательно, существую», а на Востоке – «я пою, следовательно, существую». Песня, танец, мысль как национальная идея отражают сложившийся исторически *миропорядок*, а также доминирование рационального/иррационального как условие самобытности цивилизации. Философия стремится к объяснению законов цивилизационного развития, его перспектив и рисков.

Научное мировоззрение создает теоретическую базу для объяснения сущностных черт «цивилизации», типологии цивилизаций и исторических ступеней их развития, соотнесенности цивилизации с культурой. Концептуальные версии развития культур и цивилизаций множественны – циклическая концепция О. Шпенглера, критикующая линейную периодизацию исторического процесса и обосновывающая идею «коллективной души народа»; концепции французских философов-просветителей, для которых культура и цивилизация синонимичны; представления о цивилизации как периоде, противостоящем «варварству», в работах английских и немецких ученых; концепция «осевого времени» К. Ясперса, концепция «круговорота цивилизаций», а также категорическая критика тезиса о «единстве цивилизации» А. Дж. Тойнби и многие другие. Научное мировоззрение апеллирует к разуму и логике, является постижением истины.

Миропорядок, вера, смысл бытия и истина выражают цель использования в рамках цивилизационного подхода соответствующих мировоззренческих оснований – мифологию, религию, философию и науку. Чаще всего ученый работает во всех мировоззренческих парадигмах, потому данное разделение носит сугубо методологический характер.

Подведем итоги.

Первое. Использование теории локальных цивилизаций («цивилизации» – во множественном числе) в противовес пониманию цивилизации как универсальной человеческой общности, как идеала, высшей степени зрелости и развития общества в сферах культуры, искусства, философии, религии, морали и др. мировоззренчески разделяет ученых, по-разному определяющих взлеты/падения цивилизационных сообществ, смену мировых цивилизаций, формы межцивилизационного взаимодействия. Не каждый народ создает цивилизацию и не каждая цивилизация достигает идеала «цивилизovanности».

Второе. Понятие «глобальная цивилизация» все чаще связывается с признанием народами всего мира *общих ценностей*, целей, традиций, технологий и др., что не совместимо с идеей цивилизационного разнообразия. Даже простое перечисление общечеловеческих ценностей дает понимание их различной трактовки в культурных и религиозных традициях многих народов.

Третье. Формы межцивилизационного взаимодействия можно свести к двум наиболее актуальным – «конфликт цивилизаций» и «диалог цивилизаций». Они могут выступать как в качестве конкурирующих, так и в качестве дополняющих друг друга. Использование цивилизационного подхода в XXI веке как одной из основ стратегического планирования в сфере государственного управления требует научной разработки долгосрочного прогнозистического сценария взаимоотношений между основными субъектами политики с целью снижения степени конфликтности.

Четвертое. Политические риски использования цивилизационного подхода в сфере государственного управления связаны с постоянным выбором стратегии межцивилизационного взаимодействия «конфликт–диалог», которое не может быть статичным по причине появления новых бесконфликтных форм противостояния, трансформации основных субъектов политики и смены в международных отношениях доминирующих цивилизаций.

Пятое. Патриотизм как одно из мировоззренческих оснований цивилизационного подхода задает определенное видение истории государства, его предназначения как субъекта мировой политики. Решение любых проблем (экономических, социальных, экологических) не может быть универсальным, поэтому важным представляется цивилизационный опыт в выработке ответа на огромный перечень угроз. Эвристична в таком контексте позиция В. Хёсле – «лишь патриотизм (от которого не освободится и будущее универсальное государство) сможет дать толчок к коллективному трансцендированию частных интересов, без чего невозможно справиться с серьезными опасностями современного мира» [9, с. 10].

Мировоззренческие основания цивилизационного подхода задают определенное содержание иерархии цивилизационных ценностей, определяют причины и цель обращения к идее цивилизационного развития, актуализируют необходимость трансляции соответствующих смыслов в приоритетные сферы государственной политики в рамках конструирования будущего цивилизации.

Беспалова Татьяна Викторовна – доктор философских наук, кандидат политических наук Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.
119072, Россия, Москва, Берсеневская наб., д. 18–20–22, стр.3

Tatiana V. Bepalova – Sc.D. in Philosophy, Ph.D. in Political Science, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 119072, 18–20–22/3 Bersenevskaya nab., Moscow, Russia.

tvb09@bk.ru

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Беспалова Т. В., Ларионцев М. М. Национальная память, служение и границы русской цивилизации // Журнал Института наследия. 2018. № 2. С. 4.
3. Верещагин В. Ю. Лекции по русской культуре. Ростов-на-Дону, 1998.
4. Ерыгин А. Н. Восток – Запад – Россия: опыт метаисторического исследования // Библиотека учебной и научной литературы. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/erigin_vostok (дата обращения: 18.11.2016).
5. Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
6. Расторгуев В. Н. Русская цивилизационная идентичность: живое наследие и условия наследования // Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / под общ. ред. В. А. Черешнева, В. Н. Расторгуева. М., 2018.
7. Тойнби А. Дж. Постижение истории: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
8. Цивилизация и модернизация: история и современность / Коллективная монография / под ред. В. Ю. Бельского, проф. Е. А. Когай. М.: Изд-во СГУ, 2019. 365 с.
9. Хёсле В. Философия и экология. М.: Издат. группа АО «Ками», 1994. 192 с.
10. Яковец Ю. В. Цивилизационные аспекты глобализации // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002.
11. Dator I. Conscious technology // Futurist / New York, 1989. Vol.23. No. 5.
12. Schaefer J. Theological foundations for environmental ethics: reconstructing patristic and medieval concepts. Washington, 1990.
13. Westra L. Environmental justice and the rights of unborn and future generations: law, environmental harm, and the right to health. London, 2006.

References

1. Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M.: Progress, 1974. 448 s.
2. Bepalova T. V., Larioncev M. M. Nacionalnaya pamyat, sluzhenie i granicy russkoj civilizacii//Zhurnal Instituta naslediya. 2018. № 2. S. 4

3. Vereshchagin V. Yu. Lekcii po russkoj kulture. Uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu, 1998.
4. Erygin A. N. Vostok - Zapad - Rossiya: opyt metaistoricheskogo issledovaniya // Biblioteka uchebnoj i nauchnoj literatury. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/erigin_vostok (data obrashcheniya: 18.11.2016).
5. Panarin A. S. Pravoslavnaya civilizaciya. M., 2006. 496 s.
6. Rastorguev V. N. Russkaya civilizacionnaya identichnost: zhivoe nasledie i usloviya nasledovaniya // Civilizacionnoe razvitie Rossii: nasledie, potencial, perspektivy. Kollektivnaya monografiya / Pod obshch.red. V. A. Cheresheva, V. N. Rastorgueva. M., 2018.
7. Tojnbi A.Dzh. Postizhenie istorii: per. s angl. M., 1991.
8. Civilizaciya i modernizaciya: istoriya i sovremennost / Kollektivnaya monografiya / pod red. V. Yu. Belskogo, prof. E. A. Kogaj. M., 2019. 365 s.
9. Hyosle V. Filosofiya i ekologiya. M.,1994. 192 s.
10. Yakovec Yu. V. Civilizacionnye aspekty globalizacii // Globalizaciya. Konflikt ili dialog civilizacij? M., 2002.
11. Dator I. Conscious technology // Futurist/ New York, 1989. Vol.23. No. 5.
12. Schaefer J. Theological foundations for environmental ethics: reconstructing patristic and medieval concepts. Washington.1990.
13. Westra L. Environmental justice and the rights of unborn and future generations: law, environmental harm, and the right to health. London, 2006.